

МІНІСТЕРСТВО ОСВІТИ І НАУКИ УКРАЇНИ

Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна

Філологічний факультет

Кафедра слов'янської філології

Завідувач кафедри

(підпис) Людмила ПЕДЧЕНКО
(ініціали, прізвище)
“ ” _____ 2024 р.

Концепт «страх» у російській мовній картині світу

Кваліфікаційна робота
студентки 4 курсу
першого (бакалаврського) рівня
спеціальності 035 Філологія
спеціалізації 035.034 Слов'янські мови та
літератури (переклад включно),
перша – російська
освітньо-професійної програми
«Мова і література (російська), літературне
редагування і створення контенту»
Усенко Анастасії Дмитрівни

Керівник
Маслій Олена Василівна,
кандидат філологічних наук,
доцент

Оцінка
за національною шкалою _____

Кількість балів: _____

Голова комісії

(підпис) Олена СКОРОБОГАТОВА
(прізвище та ініціали)

Харків – 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
РАЗДЕЛ 1. КЛЮЧЕВЫЕ ПОНЯТИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ	5
1.1. Понятие о языковой картине мира	5
1.2. Определение концепта	8
1.3. Структура концепта	10
Выводы	12
РАЗДЕЛ 2. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «СТРАХ» В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА.....	13
2.1. Этимология и история слова <i>страх</i>	13
2.2. Значения лексемы <i>страх</i> по данным толковых словарей	19
2.3. Семантическое поле концепта «страх» в религиозном дискурсе	21
Выводы	28
РАЗДЕЛ 3. ДИСКУРСИВНЫЕ ПРОЕКЦИИ КОНЦЕПТА «СТРАХ»	29
3.1. Дискурсивные доминанты концепта «страх» в религиозном дискурсе	29
3.2. Репрезентации концепта «страх» в философском дискурсе	31
3.3. Концепт «страх» в научном и обыденном дискурсах	35
3.4. Новые формы концепта «страх» в современном мире (на материале психологического дискурса)	38
Выводы	44
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	46
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	50

ВВЕДЕНИЕ

В рамках исследований по лингвокультурологии изучение взаимодействия языка и мышления остается актуальным на протяжении многих десятилетий. Данное направление использует язык как инструмент исследования содержаний и структур ментальных единиц. В лингвокультурологии изучение концептов происходит путем выявления и анализа языковых средств их объективации, а после – посредством моделирования их структуры и содержания.

Формирование системы языковой картины мира происходит путем составления «списка» ключевых концептов и связывающих инвариантных идей, которые дают «ключ» к их пониманию. Для русской языковой картины мира ключевые концепты закреплены в таких словах как *душа, судьба, тоска, счастье, разлука, справедливость*.

Неотъемлемой частью окружающего мира и общества является человек, поэтому объективная реальность находит выражение в его языке. Концептологическое направление предполагает выявление основных закономерностей образования концептов, которые имеют свою репрезентацию в семантических пространствах различных дискурсов. Актуальность исследования обусловлена комплексным подходом к описанию концепта «страх» на языковом и дискурсивном материале, попытками увидеть дискурсивные доминанты и специфику реализации концептуальных смыслов в том или ином дискурсе и реконструировать динамику этих смыслов – от этимонов до современных проекций.

Целью исследования является реконструкция языковых и дискурсивных проекций концепта «страх» в рамках русской языковой картины мира.

Для достижения поставленной цели сформированы следующие **задачи**:

- описать историю и развитие концепта «страх» в русской лингвокультуре;
- проанализировать связь между этимологией и значениями слова *страх* в русской языковой картине мира;

- реконструировать семантическое поле концепта «страх» в религиозном дискурсе;
- исследовать концепт «страх» в обыденном, философском и психологическом дискурсах;
- выявить динамику концептуальных смыслов «страх».

Объектом исследования является описание языковых и дискурсивных реализаций концепта «страх».

Предметом исследования выступают этимология и история лексемы *страх*, а также лексические средства репрезентации концепта «страх» в современном языке; религиозном, обыденном, философском, психологическом дискурсах.

Базовым методом исследования является интерпретативный анализ. Кроме того используется метод контекстного анализа, который учитывает непосредственно текстовые условия употребления языковой единицы, описательный метод и метод семантико-когнитивного анализа. Теоретическая концепция работы основывается на трудах В. А. Масловой, Ю. С. Степанова, А. Вежбицкой, З. Д. Поповой, И. А. Стернина, В. И. Карасика и др.

Научная новизна исследования определяется тем, что в нем усовершенствовано описание содержания концепта «страх» в русской концептосфере с использованием метода семантико-когнитивного анализа и выявлена специфика языковой объективации исследуемого концепта в разных дискурсах.

Практическая значимость. Положения и заключения квалификационной работы позволяют детальнее и точнее охарактеризовать культурные и исторические аспекты концепта «страх». Материал квалификационной работы может быть использован в лекционных курсах по общему языкознанию, когнитивной лингвистике, при подготовке учебных пособий по лингвокультурологии, при обучении людей, работающих в области межкультурной коммуникации.

РАЗДЕЛ 1. КЛЮЧЕВЫЕ ПОНЯТИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

1.1. Понятие о языковой картине мира

Язык – значимый способ формирования знаний человечества о мире. Совокупность материалов, которые были запечатлены в языковой форме, являются тем, что в различных концепциях называется «языковым промежуточным миром», «языковой моделью мира», «языковой картиной мира». Мы сосредоточимся на рассмотрении последнего термина, так как он является более распространенным.

Понятие «картина мира» приобретает центральное значение в гуманитарных науках. Оно широко используется в философии, культурологии, лингвистике и др. С точки зрения А. Т. Хроленко, «можно выделить чувственно-пространственную картину мира, духовно-культурную, метафизическую» [Хроленко, 2009, с. 54]. Однако в сущности картин мира в науке может быть больше, например, языковая, этническая, фольклорная и другие.

Ю. Д. Апресяном, А. Вежбицкой, А. А. Зализняк и другими исследователями была выдвинута идея о том, что «картина мира, отражаемая в языке, во многих отношениях отличается от научной картины мира». Человек взаимодействует с миром посредством языка, который сохраняет общечеловеческий и национальный опыт. Его особенности, отображаемые в сознании носителей, формируют конкретную языковую картину мира. Через нее человек воспринимает окружающую действительность [Апресян, 2006, с. 35].

Характерный для каждого языка способ концептуализации считается универсальным и национально специфичным, что приводит к разному видению мира. Языковая картина мира определяется «наивной» в том смысле, что имеет существенные отличия от «научной». При этом наивные представления в языке не примитивны: они так же отображают интересную и порой сложную систему образов [Кавинкина, 2010, с. 156].

По В. А. Масловой, «языковая картина мира формирует тип отношения человека к миру». Ею заданы нормы поведения человека в мире и его отношение к окружающей среде в целом. Каждым языком определяется и демонстрируется способ организации, восприятия мира. Значения, которые выражены в нем, формируют некую цельную систему взглядов – всем носителям языка она навязывается в качестве обязательной [Маслова, 2004, с. 65].

О. А. Корнилов пишет: «любое толкование понятия языковой картины мира, на наш взгляд, не может претендовать на абсолютную истинность, поскольку это не объективно существующая реальность, а умозрительное построение, используемое его создателями для решения каких-либо теоретических или практических задач» [Корнилов, 2003, с. 4]. Это своего рода орудие, которое исследователи могут использовать для различных целей. По этой причине исследователь допускает, что ученые вправе наполнять понятие языковой картины мира различным содержанием. Тем не менее каждый исследователь должен выражать смысл в ясном виде, который вкладывается в часто используемое определение.

Язык участвует в двух процессах, связанных с картиной мира. Основное функционирование базируется на формировании в его недрах языковой картины мира – одного из наиболее глубинных слоев. Язык также самостоятельно выражает иные картины мира, которые проникают в него через специальную лексику вместе с чертами человеческой культуры. Как отмечает В. И. Постовалова «при помощи языка опытное знание, полученное отдельными индивидами, превращается в коллективное достояние, коллективный опыт» [Постовалова, 1988, с. 11].

Наиболее цельное и полное определение языковой картины мира дает А. Вежбицкая, которая отмечает, что «языковая картина мира – это исторически сложившаяся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отраженная в языке совокупность представлений о мире, определенный способ концептуализации действительности». Проблематика

исследования языковой картины мира тесно связана с вопросом об исследовании концептуальной картины мира, которая отображает своеобразность бытия человека и его взаимоотношение с миром [Вежбицкая, 2000, с. 35].

Среди многочисленных проблем, интересующих исследователей, особое значение уделяется системному описанию русской языковой картины мира. Каждая нация по-своему дифференцирует мир, «т.е. имеет свой способ его концептуализации». Из этого можно заключить, что каждый язык формирует уникальную картину мира, под влиянием которой языковая личность создает речевые произведения. В этом и проявляется специфика восприятия мира каждого человека, зафиксированная в речи [Маслова, 2004, с. 64].

Идея языковой (другое название – «наивной») картины мира, развиваемая с конца 60-х годов, была изложена в работах Ю. Д. Апресяна, Н. Д. Арутюновой, А. Вежбицкой, А. А. Зализняк и других исследователей. Фактическим материалом для реконструкции языковой картины мира послужили только факты языка, под которым мы понимаем «лексемы, грамматические формы, словообразовательные средства, просодии, синтаксические конструкции, фраземы, правила лексико-семантической сочетаемости и т. п.» [Апресян, 2006, с. 34].

Владение языком подразумевает владение концептуализацией мира, отображенной в данном языке. Конфигурация идей, которая заключается в значении слова родного языка, воспринимается говорящим как нечто обыденное и элементарное, поэтому у него возникает иллюзия того, что жизнь устроена именно так. Однако, проводя сопоставление разных языковых картин мира, обнаруживаются существенные различия между ними, причем иногда сложные и самобытные [Зализняк, Левонтина, Шмелев, 2005, с. 10].

Система ключевых концептов и связывающих их инвариантных ключевых идей формируют языковую картину мира. По мнению А. А. Зализняк, И. Б. Левонтиной и А. Д. Шмелева сквозными мотивами для русской языковой картины мира являются следующие идеи:

1. Непредсказуемость мира (а вдруг; постараюсь; угораздило; счастье и др.).
2. Представление о том, что главное – это собраться, т.е. необходимо мобилизовать свои внутренние ресурсы, дабы что-то сделать (собираться, заодно).
3. Представление о том, что для внутреннего удовольствия человека необходимое большое пространство снаружи; однако если оно необжитое, то это может привести к созданию дискомфорта внутри (размах; маяться; добираться и др.).
4. Внимание к деталям отношений между людьми (общение, родной, разлука, соскучиться и др.).
5. Вопрос справедливости (справедливость, правда, обида).
6. Оппозиция «высокое – низкое» (истина – правда, добро – благо, радость – удовольствие и др.).
7. Идея удовлетворения души тогда, когда другие люди знают о чувствах человека (искренний, хохотать, душа нараспашку).
8. Идея того, что плохо, когда человек действует из соображений собственной выгоды (расчетливый, мелочный и др.) [Зализняк, Левонтина, Шмелев, 2005, с. 11].

Специфику культуры определяют именно ключевые концепты. По мнению В. А. Масловой «полный их список для русской культуры еще не установлен, хотя уже хорошо описан целый ряд таких слов – душа, воля, судьба, тоска, интеллигенция и т.д.». Для того чтобы слово входило в список ключевых культуры, оно должно быть частотным и общеупотребительным, а также использоваться во фразеологизмах и пословицах. Каждый язык – это самобытная и самостоятельная система, которая закрепляется в сознании носителей, формируя тем самым собственную картину мира [Маслова, 2004, с. 64].

1.2. Определение концепта

Центральным понятием лингвокультурологии является концепт. Несмотря на то, что в настоящее время идея концепта считается утвержденной для современной отрасли языкознания, содержание понятия во многом отличаются в концепциях разных научных школ и отдельных исследований.

Концепт является мыслительной и наблюдаемой категорией, что дает большое пространство для толкования. Сегодня понятие фигурирует в исследованиях философов, психологов, культурологов, тем самым неся на себе следы интерпретаций, которые выходят за пределы лингвокультурологии.

Впервые в русской науке к термину «концепт» обратился С. А. Аскольдов-Алексеев в 1928 г.: «концепт есть мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» [Аскольдов-Алексеев, 1997, с. 268].

Концепт это единица концептосферы народа. Термин «концептосфера», под которым мы понимаем совокупность концептов, транслирующих конкретную культуру в языке, был введен в науку академиком Д. С. Лихачевым.

З. Д. Попова и И. А. Стернин считают, что концептосфера, как и концепты – это ненаблюдаемые понятия, существующие в виде мыслительных изображений. К концептосфере относятся и когнитивные классификаторы, которые способствуют определенной организации концептосферы [Попова, Стернин, 2007, с. 43].

По мнению В. А. Масловой «при одинаковом наборе универсальных концептов у каждого народа существуют особые, только ему присущие соотношения между этими концептами, что и создает основу национального мировидения и оценки мира» [Маслова, 2008, с. 83]. Однако существуют и специфические концепты, которые ориентируются на конкретный этнос. Путем использования естественного языка нельзя описать мир «как он есть» – язык изначально определяет картину мира, которая затем закрепляется в сознании носителей.

Ю. С. Степанов характеризует концепты как «сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека»

[Степанов, 2001, с. 43]. С другой стороны лингвист видит концепт как средство вхождения человеком в культуру и влияние на нее. Т.е. концепт представляет собой «основную ячейку культуры в ментальном мире человека» [Степанов, 2001, с. 43].

1.3. Структура концепта

Концепт представляет собой сложную структуру, однако его нельзя представить в жесткой, сформировавшейся форме. Это объясняется тем, что он играет активную динамическую роль в мышлении человека – понятие постоянно функционирует и анализируется в разных аспектах. Сложная структура концепта обусловлена, с одной стороны, всем тем, что принадлежит его строению, а с другой тем, что «делает его фактом культуры», а именно: этимология, исторический аспект, современный ассоциативный круг и др. Особенностью структуры концепта считается его «слоистое» строение [Степанов, 2001, с. 43].

Появление многих слоев понятия является результатом культурной жизни нации в разные эпохи. Слои концепта различаются между собой по происхождению, семантике и времени образования. Особая структура понятия включает в себя следующие компоненты:

- основной актуальный признак;
- дополнительный неактуальный (пассивный, исторический) признак;
- внутренняя форма [Степанов, 2001, с. 48].

Данные три слоя в понятийном элементе концепта были выделены Ю. С. Степановым. Первый слой (основный признак) существует как средство связи для всех, кто пользуется данным языком. Концепт является средством общения, поэтому мы можем подразумевать, что актуальный признак включает в себя как структуру общения, так и мыслительные процессы. Второй слой (дополнительный признак) существует как средство связи для некоторых социальных групп исключительно внутри данной общины, а не вовне.

Последний слой (внутренняя форма) открыта только исследователям, но это не говорит о его отсутствии для носителей языка. Данный элемент структуры концепта существует в качестве основы, «на которой возникли и держатся остальные слои значений» [Степанов, 2001, с. 48].

По мнению В. И. Карасика, концепт является сложным мыслительным образованием. В его структуре выделяются образный, понятийный (информационно-фактуальный) и ценностный (оценка) компоненты [Карасик, 2004, с. 221].

Г. Г. Слышкин выделил четыре составляющих ассоциативной структуры концепта – интразона и экстразона (основные компоненты)/квазиинтразона и квазиэкстразона (дополнительные компоненты). Интразона включает в себя признаки концепта, которые отражают собственный характер детонанта (лиса – рыжая, шустрая, охотница, имеет пушистый хвост и др.). Для экстразоны характерны признаки, извлекаемые из переносных значений и устойчивых фразеологических единиц (подлизываться – лисой прикидываться; лукавство – лисичка всегда сытей волка живет; ловкость, находчивость – лиса своего хвоста не замарает). Квазиинтразона и квазиэкстразона представляют собой совокупность входящих и исходящих формальных ассоциаций [Слышкин, 2004, с. 6].

По мнению З. Д. Поповой и И. А. Стернина, «структура концепта включает образующие базовые структурные компоненты разной когнитивной природы». Среди составляющих понятия выделяется чувственный образ, содержание информации, интерпретационное поле. Названные компоненты описываются как перечисление когнитивных признаков, которые принадлежат каждому из указанных элементов структуры концепта [Попова, Стернин, 2007, с. 81].

В широком смысле концепт можно представить графически в виде круга. Основное понятие находится в центре, в ядре, а на периферии – внедренные культурой, традициями и опытом народа компоненты.

Выводы

Язык считается одним из основных способов формирования базовых понятий лингвокультурологии – концептов человеческого сознания. Слова посредством концептов могут проникать в языковую картину мира, находиться в ней и взаимодействовать с другими единицами. Данная центральная категория формируется исходя из личного и культурного опыта нации в результате познания им окружающего мира.

Мы пришли к выводу, что тип отношений человека к окружающему формируется языковой картиной мира. Она задает нормы поведения народа и его отношение к миру в целом. Язык определяет и отображает способ восприятия мира каждой нации. Он создает целостную систему значений, которая становится обязательной для всех носителей языка и формирует их общие взгляды.

Концепт – это мыслительная категория, которая предстает как принадлежность сознания человека и является единицей концептосферы народа. Данный элемент лингвокультурологии имеет сложную многослойную структуру. Формы категории различаются между собой по происхождению, семантике и времени образования. Многослойность структуры концепта определена результатом культурной жизни народа в разные эпохи его существования.

РАЗДЕЛ 2. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «СТРАХ» В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

2.1. Этимология и история слова *страх*

Этимологический словарь русского языка, составленный А. Г. Преображенским, дает целый ряд однокоренных слов с корнем -страх-, -страш-, производных от исходного слова *страх*: нарч. страхъ очень, много, сильно, очень много; страшный приводящий въ страхъ; діал. некрасивый, безобразный; безстрашный смелый; безстрашіе; страховоу гарантирующій отъ потерь; страховать, страхую (сѣвск. нередко: штрафовать) обеспечивать вознагражденіе въ случае потери; застраховать; страховка, страхованье; страшить, страшу, страшишь приводить въ страхъ, угрожать и т.п.; устрашить; страшиться, устрашиться (самому); устрашать; страшилище что-либо страшное, пугало; устрашеніе; неустрашимый очень смелый; страшливый боязливый, робкій; страхаты пугать, страхатыся; страшыты; страшыло; страшкый страшный; страшило [Преображенский, 1914, с. 393].

Все производные от слова *страх* можно разделить на условные группы. В первой группе выделяем номинацию биологической реакции, которая с течением времени приобретает эмоциональную составляющую (например, страшить, устрашать и т.д.).

Ко второй группе отнесем однокоренные *страховки, страховать*. Этимологию слова находим в словаре М. Фасмера: «народн. штрафовать – то же. Производное от страх. В работе В. В. Виноградова «История слов» прослеживается следующее употребление и значение: В «Материалах» И. И. Срезневского отмечен книжно-славянский глагол страховатися со значением «бояться, страшиться» [Виноградов, 1999, с. 1537]. Примеры его употребления известны в древнерусской письменности уже с XI в. Ср. в Жит. Нифонта XIII в.: почьто ся страхуе; в Хронике Георгия Амартола (XV в.): Грѣшная моя душа смятешеса зѣло в собѣстраховашесе. Ср. страхование: 1)

боязливость, страх, ужас. В Новг. III л. (7037 г.): Бысть въ церкви страхование велие на христианы; 2) явление вызывающее страх» [Фасмер, 1987, с. 772].

Отдельно следует описать этимологию слова *страшный* в значении «некрасивый». В данном толковании отмечается метонимический перенос по смежности. Появление этого значения может быть обусловлено неприятными эмоциями, в т.ч. эмоцией страха, переживаниями от созерцания некрасивого.

К третьей группе следует отнести значение «страсти». В этом же словаре А. Г. Преображенский в список однокоренных слова вводит лексему «страсть, Р. страсти, часто мн. страсти страхъ (напр. у Крылова: «лисица со страстей осталась чуть жива»; нередко в выр.: «какія страсти!») (о чем-либо страшномъ); острастка угроза; *страститъ (предполагается *denominativum* отъ страст-); отсюда стращать, стращаю, стращаешь угрожать, пугать; сѣвск. (оч. употр.) тращать (безъ с-); настращать, постращать (немного)». В современном русском языке наблюдается употребление устойчивых выражений со словом «страсти»: «Страсти Христовы – страдания (духовные и физические), перенесенные Иисусом Христом в последние дни земной жизни для искупления грехов человечества. Страсти-мордасти – о чём-то мнимострашном, о попытке напугать какими-либо рассказами, необыкновенно сильные эмоции» [Преображенский, 1914, с. 394].

В этимологическом словаре русского языка Г. П. Цыганенко автор связывает этимологию слова *страсть* со *страдой*: «СТРАДА «напряженная летняя работа землевладельца». Общеслав. Этимол. его не вполне ясная. Обычно считается, что это слово образовано с суф. -д-а (как гряда) от и.-е. корня *stro- «проявлять силу». От сущ. страда «напряжение» (сил), «напряженная работа» > «тяжкий труд» > «мучение» с ном. глаг. суф. -а-ти образовано слово страдати > после утраты конечного безударного -и — соврем. страдать «испытывать сильную физическую боль или нравственные мучения». От глаг. страдати «мучиться, терпеть лишения, боль и т. п.» в праслав. период образовано с суф. -ть (как честь) сущ. *srtadtъ > *страдтъ «мучение, страдание», которое после

изменения дт > тт > ст развилось в соврем. страсть «сильное чувство» [Цыганенко, 1989, с. 407].

Т.о., в значение слова включаются смыслы: проявления силы, деятельный, сильный, крепкий. По-видимому, это связано с тем, что человек, находящийся в состоянии крайнего внутреннего напряжения, вызванного страхом, максимально полно использует ресурсы своего организма (силу, выносливость и пр.) для спасения/выживания.

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля находим такое значение: «м. страсть, боязнь, робость, сильное опасенье, тревожное состоянье души от испуга, от грозящего или воображаемого бедствия. || олицетворенье робкого, пугливого, труса. || Предмет, рождающий страх. || Гроза, угроза или острастка; покорство уstraшенного, послушание; сознание ответственности. Страх Божий, благочестие, как боязнь греха. || Страх, нареч. ужасно, страшно, весьма, очень; страх сколько, много, без числа, несметно, тьма, пропасть» [Даль, 1882, с. 345].

В этом словаре даются несколько значений. Первое – основное: «страсть, боязнь, робость, сильное опасенье, тревожное состоянье души от испуга, от грозящего или воображаемого бедствия». Второе – *страх* в религиозном дискурсе: страх Божий, которое, в интерпретации автора, получает кроме традиционных сем «покорство уstraшенного», «послушание» еще и сему «сознание ответственности». Интересно, что приводятся контексты, персонифицирующие страх: «Гроза, угроза или острастка». Уникальным значением можно считать номинацию страха по отношению к несмелому человеку: «олицетворенье робкого, пугливого, труса».

В словаре В. И. Даль упоминает такое толкование лексемы как «тревожное состоянье души от воображаемого бедствия». Данное значение относится к состоянию беспокойства или тревоги, вызванного мыслями или предположениями о возможных негативных событиях, которые, скорее всего, не произойдут или не являются реальной угрозой. Разум переполняется страшными и темными мыслями о возможных последствиях этого

воображаемого действия. Смутные опасения принимают конкретные формы, поэтому контроль над собой может быть утерян.

Обращаясь к этимологическому словарю русского языка М. Фасмера, можно увидеть два толкования слова *страсть*: «1. с чешского *strast* «горе, страдание, печаль», словацкого *strast'* – то же значение. Во всяком случае связано со страдать; 2. «страх», острастка, стращать. Связано со страх. Эти слова сравнивают с латышским *struõstût, struõstêt* «угрожать, предостерегать» [Фасмер, 1987, с. 771].

Во многих языках в древности встречались однокоренные слова с этим же корнем: «сравнивают лат. *strāgēs, -is* повержение, поражение; *strāgulus* служащий для покрывания или подстилки: покрывало, ковер и т.п.».

В данных этимологических значениях отметим, что *повержение, поражение* могут ассоциироваться с образом поверженного страхом человека, лежащего, неспособного к сопротивлению. Вторая версия – значение «служащий для покрывания или подстилки; покрывало, ковер» – страх будто покрывает человека с головой и не дает двигаться.

Преображенский не согласен с версией Горяева и Jokl, которые сближают слово *страх* с латинским *terreo* устрашаю, и призывает отвергнуть данное предположение. Zupitza сопоставляет с *opracian* в значении «страшить, пугать». Persson относится к обширной группе **ster-* «коченеть, цепенеть»: страх из **strōkso-*, **srtrōgso-*. Данное объяснение считает наиболее удачным Ильинский.

У А. Г. Преображенского упоминается толкование слова *страх* с древневерхненемецкого *stracken* в значении «быть растянутым», средневерхненемецкого *strac* «тугой», нововверхненемецкого *strecken* «растягивать». Сравнить с этимологической точки зрения слово *страх* с данными толкованиями затруднительно, однако оно может быть связано с мимической реакцией на ужасающую его ситуацию. Например, у человека при такой реакции широко раскрывается рот и глаза, что делает его лицо визуально «растянутым».

Важную роль в описании концептуальных смыслов приобретает описание образов, вокруг которых структурируется понятие. Этимологический словарь русского языка, составленный А. Г. Преображенским, дает целый ряд однокоренных слов с корнем -бој-, производных от исходного слова *боязнь*: «др. бояться; боязнь. сс. боіатисѧ, боіазнь, боіазнивѧ. сл. bojati se, bati se. с. боѸ са. с. бојати се, бојим; бојазан. ч. bati se, bojim se; obavati se» [Преображенский, 1910, с. 41].

В литовском языке наблюдается ряд слов, которые имеют схожее значение: «лит. bijóti-s бояться; bājaús, bajus страшный; baimé страх».

Значение лексемы *страх* и *боязнь* имеют общие этимологические смыслы. Подобное тождество отмечается и в других языках: «лтш. biti-s бояться. прус. biát-wei, biasnan боязнь, страх. сскр. bháyate, bibhėti боится, пугается. зенд. bau- устрашать. дрсѢв. bifa. анс. beofian дрсак. bithon дрвнм. bibēn трястись, трепетать».

В словаре древнерусского языка И. И. Срезневского в статьях, близких по значению к слову *страх*, встречаются лексемы *ужас* и *боязнь*: «БОІАЗНЬ = БОАЗНЬ – страх: – Сорочин выходять и избивають странныя на пути; да ту есть боязнь велика. Дан. иг. (Нор.15)»; «ОУЖАСТЬ – страх, ужас: – Оужасть напаже на Авраама. Быт. XV. 12 по СП. XIV в» [Срезневский, 1912, с. 545].

В словаре Г. П. Цыганенко в этимологии слова *боятися* наблюдается такое толкование как «испытывать страх, боязнь»: «БОЯТЬСЯ <испытывать страх, боязнь>. Общеслав. Имеет соответствия в других и.-е. языках. Соверм. слово развилось из др.-рус. боіатися «бояться», которое восходит к праслав. *bojati se – тожд. Сравнивают с лит. bajus «страшный»; др.-инд. bhayátē «боится». Другие считают, что праслав. *bojati образовано с суф. -ti от и.-е. *bhei-/*bhoi-/*bhi- <бить, бой>. Знач. его могло развиваться так: «бить» > «устрашать боем, побоями» > «вызывать страх» > «страшиться», «бояться» [Цыганенко, 1989, с. 39].

Обращаясь к словарю М. Фасмера, видим следующее толкование, которое говорит о сближении с семантикой слова *страх*: «боязнь ж., ст.-

слав. боіазнь (Супр.), чеш. bázeň, польск. bojaźń. Образование напоминает др.-прусск. biāspan вин. п. ед. ч. «страх» [Фасмер, 1986, с. 203].

Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.) Р. И. Аванесова в толковании лексемы *боязнь* указывает такие значения, как «боязнь, страх»: «БОІАЗНЬ, -И с. Боязнь, страх: къ нбсьномуу цроу пристоупи съ боіазньж. Изб 1076, 263; боіазни въ любъви нѣсть съвършенаіа любви вънъ измещеть страхъ. СкБГ XII, 9в» [Аванесов, 1988, с. 300].

В качестве контекстного примера автор приводит цитату из «Сказания о Борисе и Глебе», в которой говорится, что «Боязни в любъви несть – съвършенная бо любви вън отъмещеть боязнь». В свою очередь это цитата из Первого послания от Иоанна: «В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх, потому что в страхе есть мучение. Боящийся несовершен в любви».

В этимологическом словаре современного русского языка А. К. Шапошникова встречаем следующие значения: «Бояться – испытывать боязнь, страх; опасаться кого-, чего-л., беспокоиться, тревожиться; не переносить чего-л. (о растениях). ▲ В рус. языке XI–XVII вв. изв. боіатисѦ, забоіатисѦ, возбоіатисѦ, побоіатисѦ. ▲ Из праслав. *бойати (сѣ), глаг. на -ати от сущ. *бои «страх, ужас». Первоисточник: и.-е. *bhei-: *bhoi-: *bhī-. Соответствия: др.-инд. bháyate «боится» [Шапошников, 2010, с. 76].

У М. Фасмера дается толкование слова *ужас*, которое говорит о сближении с семантикой слова *страх*: «Ужас — род. п. -а, ужаснѹться, ужасный, укр. ужáх, жах «страх, ужас», ужахнѹти «напугать», блр. ужаслівы «страшный», др.-русск. ужась, ужась «страх, ужас», ст.-слав. оужась ѣкстаσις, ѣκκληξις (Остром., Супр.), цслав. жасити «пугать», прѣжась «ужас, неистовство», болг. ўжас, ўжасен, чеш. úžas «изумление, ужас», žas «ужас», žasnouti «изумиться, прийти в ужас», слвц. úžas «изумление, ужас», užasnút' «изумиться», žasnút' — то же, польск. przeżasnąć się «поразиться, ужаснуться» [Фасмер, 1987, с. 151].

У А. К. Шапошникова упоминается следующее толкование лексемы *ужас*: «Ужас 2 – чувство сильного страха, доходящее до подавленности, оцепенения;

обычно мн. ч. явление, положение, вызывающее такое чувство; крайнее изумление, негодование, расстройство, вызванное чем-н.; трагичность, безвыходность; в знач. сказ. о чём-н. изумляющем, необычайном по своим положительным или отрицательным свойствам, а также о большом количестве кого-л., чего-н. (разг.). ▲ В рус. языке XI–XVII вв. изв. ужась, ужась «страх, трепет, отчаяние, исступление», прозвод. прилаг. ужасьныи, ужасьныи, глаг. ужасатисѦ, ужаснитисѦ, ужастити, ужасаю (1627), ужас отм. в словарях с 1627 г., изв. также глаг. жасати «испытывать страх», жасити «устрашать», жаситисѦ «ужасаться», глаг. ужаснуть отм. в словарях только с 1782 г. ▲ Согласно одному толкованию, из праслав. *ужась (ср. *жахь), производного на -ь от основы глаг. *ужасати (се) (корень *жадс- в *жадсати, *жадсити (се), восходящий к и.-е. *gwēdh-s-os «злой, дурной, плохой, гадкий, отвратительный»). Приводятся соответствия в балт. и герм. языках, с подобной ступенью огласовки корня: *gwēdh-: *gwōdh-. Ср. рус. гад, лит. geda «стыд, срам», др.-англ. sweed «дурной, плохой». Это толкование неудовлетворительно и по семантическим, и по фонетическим причинам (вариант той же основы *жахь!). В смысловом отношении ненадежно возведение этого слова к праслав. *гасити (рус. гасить, угас)...Семантическая мотивация здесь обнажена – при переживании эмоции сильного страха большинство людей испытывают вакуумные спазмы в области живота, ощущают внезапную пустоту в утробе» [Шапошников, 2010, с. 449].

На основании приведенных материалов отметим, что семантическое поле древнерусского языка, связанное с концептом «страх», включает в себя смыслы «боязнь, ужас, трепет, отчаяние, исступление, раздражение».

Актуальность, востребованность и разработанность семантического поля объясняется тем, что древний человек жил в условиях неравного противостояния с природой, непонимания законов мироздания и пр., что давало постоянное ощущение страха.

2.2. Значения лексемы страх по данным толковых словарей

Для выявления компонентов актуальных признаков концепта нами были изучены значения слова *страх* в толковых словарях русского языка.

В «Словаре русского языка» Д. Н. Ушакова представлено следующее толкование лексемы: «СТРАХ, страха (страху), м. 1. только ед. Состояние крайней тревоги и беспокойства от испуга, от грозящей или ожидаемой опасности, боязнь, ужас. 2. только мн. Представления, события или предметы, пугающие чем-н., вызывающие чувство боязни, ужаса, опасения (разг.). 3. только ед. Риск, ответственность за исход чего-н., за совершенные действия» [Ушаков, 1940, с. 549].

В «Словаре русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой даются следующие значения: «СТРАХ, -а (-у), м. 1. Очень сильный испуг, сильная боязнь. 2. мн. События, предметы, вызывающие чувство боязни, ужаса (разг.). 3. страх, в знач. сказ. и нареч. Очень, в высшей степени, очень много» [Ожегов, Шведова, 1992, с. 709].

Таким образом, авторы представляют *страх* как сильное чувство испуга и боязни, а также как события, предметы или явления, которые вызывают чувство боязни или ужаса. Кроме того, слово может использоваться для описания высокой степени чего-либо.

Похожие значения дает автор «Большого толкового словаря русского языка» С. А. Кузнецов: «СТРАХ, -а (-у); м. 1. Состояние сильной тревоги, беспокойства, душевного смятения перед какой-л. опасностью, бедой и т.п.; боязнь. 2. обычно мн.: страхи, -ов. Разг. То, что вызывает боязнь, тревогу, оцепенение. ◇ Держать, воспитать и т.п. в (Божьем) страхе. В повиновении, в полной покорности» [Кузнецов, 2000, с. 1277].

Как и В. И. Даль, автор словаря упоминают значение страха в религиозном дискурсе, т.е. «держать, воспитать и т.п. в (Божьем) страхе. В повиновении, в полной покорности». Воспитание в (Божьем) страхе предполагает, что человек должен жить и поступать в соответствии с принципами, установленными религиозными или духовными учениями. Страх Божий означает осознание присутствия Бога, его справедливости и могущества, а также стремление

следовать его заповедям и исполнять его волю. В этом контексте страх перед Богом олицетворяет глубокое почтение и благоговение перед высшей силой, и это может быть связано с принятием религиозных обязательств и норм поведения.

Таким образом, обобщая проанализированный словарный материал, видим, что первым и конкретным значением лексемы *страх* является боязнь, робость, сильное опасение, испуг, состояние беспокойства и тревоги. Авторы словарей определяют *страх* в качестве отрицательной эмоции, которая возникла в результате реальной или воображаемой ситуации. Страх может появиться как тревожное состояние души от испуга или обозначать состояние напуганного человека.

В тождественных значениях страх обозначает предмет или события, которые вызывают боязнь, а также послушание устрешенного (Божий страх), сознание ответственности. Существительное используется в значении наречия и сказуемого для выражения высшей степени чего-либо.

2.3. Семантическое поле концепта «страх» в религиозном дискурсе

Дискурсивная проекция концепта «страх», актуализированная в религиозных текстах, содержательно отличается от уже рассмотренных нами. Проанализируем эту специфику.

Страх – одно из значений лексемы «ДОБРОГОВѢИТЬСТВО» в словаре древнерусского языка И. И. Срезневского: «ДОБРОГОВѢИТЬСТВО (В.) – страхъ, уваженіе, εὐλάβεια. – Ю. Леств.» [Срезневский, 1912, с. 675].

Основа этого слова состоит из двух частей: слов «добрый» в форме родительного падежа и «воинство». Этимологически последнее связано с древним корнем *вои-*, от которого произошли *воин*, *война*, *вина* и производные, и воссоздает сцены охоты, погони, преследования и др. Этимологический словарь русского языка, составленный А. Г. Преображенским, дает целый ряд однокоренных слов с данным корнем: «*мр. вой*, *войско* и проч. др. *вой воинь*.

Мн. И. вои; воинъ, война, воевода и пр. сс. вой, воинъ, воиникъ, воєвода, война, воєвати, войско. сл. vojnil, vojvoda, vojska. – сскр. véti находится позади, преследуетъ, ведетъ (войско), гонить, направляетъ и т.п. pravaуана- служащій для пробужденія; ср. рода: суковатая палка для подгоняния скотины. зенд. vāu- гнать, преследовать; vaueiti гонить; vītar- преследователь; vaуanā преследуемый. осет. waуan, wain, vāin бежать (Уленб. AiW. 295). лат. venor, -ari охочусь, гонюсь; и пр. М-б., сюда же via дорога; vīs хочешь (WEW. 656). лит. vūti, vejú гнать, преследовать; vajóju мнгрк. преследовать. дрсѣв. veidhr охота» [Преображенский, 1910, с. 90].

Т.о., значение слова «доброговѣиство» связано с образом «доброго войска» (что подтверждает и внутренняя форма слова) тем или иным способом вызывающего страх перед Богом и уважение к нему. Возможно, этим словом обозначали совокупность объективных (наличие института церкви, служителей культа и пр.) и субъективных (вера, моральные и нравственные установки человека, страх согрешить и нарушить закон Божий) факторов, создающих условия для «правильной» и праведной жизни верующего человека.

Данная лексема встречается также в полном церковном словаре прот. Григория Дьяченко с тем же значением: «ДОБРОГОВѢИСТВО = страхъ, уваженіе (εὐλάβεια)» [Дьяченко, 2004, с. 964].

Греческое слово εὐλάβεια, являющееся аналогом соответствующего русского слова, имеет те же значения: «страх и уважение».

В интерпретации авторов «Подстрочного греческо-русского Нового Завета» под редакцией Виктора Журомского слово εὐλάβεια может быть переведено на русский язык как «благоговение» [Журомский, 2007, с. 580]. Особый интерес в контексте нашего исследования представляет издание Нового Завета на греческом с помощью номеров Стронга. С помощью словаря можно обратиться к справочным пособиям по новозаветному греческому языку Койнэ, содержащим номера Стронга в словарных статьях, и найти по этим номерам нужное греческое слово с его значением. Конкретная лексика, представленная в словаре, многократно соотносится. Метатекст словаря имеет перекрестные

ссылки и возможность сравнения перевода с разными источниками. В этом издании есть другие значения слова εὐλάβεια: «1. осторожность, осмотрительность; 2. благоговение, страх, почтение, уважение» [Журомский, 2001, с. 673].

В словаре древнерусского языка (XI—XIV вв.) Р. И. Аванесова мы видим следующее толкование слова «благоговение», синонимом которого выступает «почитание бога»: «БЛАГОГОВѢНИ|Ю, -ІА с. Благоговение, почитание бога: Понеже всею правдою же и и [так!] благоговѣниємъ. благоговѣинымъ мнихомъ велимъ жити. УСт XII/XIII, 218 об» [Аванесов, 1988, с. 175].

В семантическое поле «страха» также входит лексема *трепет*, которая встречается как одно из значений слова *ужас* в словаре И. И. Срезневского: «ТРЕПЕТЪ – страхъ: Имѣше же іа трепеть и оужась. Мр. XVI. 8. Остр. ев.» [Срезневский, 1912, с. 988].

Обратившись к этимологическому словарю русского языка М. Фасмера, восстанавливаем этимон слова *трепет*: «ТРЕПЕТ, род. п. -а, укр. трéпет — то же, трепéта «осина, Populus tremula L.», ст.-слав. трепеть трóмос, фрѣкѣ (Клоц., Супр.), болг. трéпет, сербохорв. трèпéт, словен. trepèt, род. п. -éta, польск. trzpiot, в.-луж. tŕerjet, tŕepot. Отсюда трепетáть, трепещú (ввиду -щ- заимств. из цслав.), укр. трепетáти, трепечú, блр. трепетáцца, трепечúся, др.-русск. трепетати, ст.-слав. трепетати трéμειν (Клоц., Супр.), сербохорв. трепèтати «трепетать», словен. trepetáti, trepetâm, чеш. tŕepetati «трепетать, порхать», словц. trepotat', польск. trzepiotać, trzpiotać, в.-луж. tŕerjetać Далее сближают с трепáть, тропáть» [Фасмер, 1987, с. 99].

Т.о., значение этого слова включает смыслы трепетать, трястись, порхать, отображающие состояние человека в результате получения сильной негативной эмоции.

Данная лексема также обнаруживается в словаре прот. Григория Дьяченко со значением «страх, ужас, дрожание от испуга» [Дьяченко, 2004, с. 730].

В религиозном дискурсе представлены следующие значения лексемы *трепет*, реконструируемые в контексте:

– трепетание, сотрясение от негодования, которое заключается в разочаровании и гнев, вызванных обманом. Исаак чувствует, что его право и порядок были нарушены, и это вызывает у него глубокое недовольство: «И вострепетал Исаак весьма великим трепетом, и сказал: кто же это, который достал дичи и принёс мне, и я ел от всего, прежде нежели ты пришёл, и я благословил его? он и будет благословен» [Быт.27:33].

– благоговение: «Служите Господу со страхом и радуйтесь с трепетом» [Пс.2:11].

– страх: «Тогда смутились князья Едомовы, трепет объял вождей Моавитских, уныли все жители Ханаана» [Исх.15:15].

– телесная, внешне выраженная дрожь: «Объял меня ужас и трепет и потряс все кости мои» – значение [Иов.4:14].

– землетрясение, как проявление действия Божьего в неживой природе: «Голос грома Его приводит в трепет землю, и северная буря и вихрь» [Сир.43:18].

В текстах религиозного дискурса встречаются и иные проявления трепета, не связанные с чувствами верующих.

«Я услышал, и вострепетала внутренность моя; при вести о сём задрожали губы мои, боль проникла в кости мои, и колеблется место подо мною; а я должен быть спокоен в день бедствия, когда придёт на народ мой грабитель его» [Авв.3:16].

«Трепет их охватил, муки, будто при родах» [Псал.47:7].

Известно, что первое значение – этимон слова структурируется вокруг первообраза. Т.о., этимон слова *страх* позволяет восстановить образ человека, сотрясающегося от физической боли, страха, паники, трепета перед Богом. Мы видим эволюцию значений слова от конкретных до абстрактных, метафорических проявлений.

Обобщив все рассмотренные значения, приходим к выводу, что концептуальные смыслы *страх* в религиозном дискурсе реализуются

максимально полно в лексеме *благоговение*. Можно выделить 3 основные значения указанной лексемы:

1) чувство священного трепета перед Богом, связанное с осознанием Его беспредельного величия, доверием к Нему как к Всеблагому Творцу и Промыслителю;

2) глубокое почтение, оказываемое святым Божиим;

3) чувство священного трепета перед святилищем.

Истинное благоговение перед Богом бывает связано с такими проявлениями, как возвышение духа, смирение, упование, самоотвержение.

Благоговение, почтение, трепет составляют основу сложного комплекса чувств, переживаний, рефлексии, состояний и пр. верующего человека. В русском языке такой комплекс традиционно описывается устойчивым сочетанием «страх Божий».

Однако в религиозном дискурсе концепт «страх» наделяется и другими смыслами. Так, в словаре И. И. Срезневского в статьях встречаем лексему «ОБИНОВЕНИИС», которая имеет значение страх: «ОБИНОВЕНИИС – страхъ: – Мы же нѣсмы обиновенія въ погибѣль, но вѣры въ снабдѣніе души. Евр. Х. 39» [Срезневский, 1912, с. 509].

Данная лексема представлена также в словаре прот. Григория Дьяченко: «ОБИНОВЕНИИС – (υποστολή) = недоумѣніе, сомнѣніе, страхъ; обиновеніе лица – лицепріятіе (Ефес. 6, 9)» [Дьяченко, 2004, с. 363].

Греческое слово *υποστολή*, являющееся аналогом соответствующего русского слова, в «Подстрочном греческо-русском Новом Завете» под редакцией Виктора Журомского переводится как «отступление»: «Мы же не [из] отступления в погибель, но стоим в вере к спасению души – ημεεις δε ουκ εσμεν υποστολης εις απωλειαν αλλα πιστεως εις περιποιησιν ψυχης» [Журомский, 2007, с. 591].

В Новом Завете на греческом с номерами Стронга наблюдается такое значение слова *υποστολή*: «уклонение, боязнь, робость, колебание» [Журомский, 2001, с. 892].

Лексема *обиновение* также есть в словаре малопонятных слов, встречающихся при чтении Псалтири и молитв: «Обиновѣние – недоумение, сомнение, страх. Обинутися, обиноватися – колебаться, недоумевать, сомневаться, скрывать; не обинуться – не сомневаться, смело поступать» [Словарь малопонятных слов, встречающихся при чтении Псалтири и молитв, 2005, с. 38].

Т.о., в значении этого слова соплагаются такие смыслы: недоумение, сомнение, уклонение, боязнь, робость, колебание, отступление, что, в свою очередь, порождает образ человека непоследовательно идущего по пути спасения, колеблющегося, сомневающегося, нецельного и несмелого. Значит, на пути веры страх как несмелость и непоследовательность лишает человека шанса на спасение.

В древнее поле концепта «страх» также входит лексема «пополохъ», которая представлена в словаре И. И. Срезневского в следующих значениях: «ПОПОЛОХЪ – страхъ, тревога: – И бы ночь пополохъ золь, яко Половцемъ всимъ бѣжати назадъ... Сущю Андрѣви на передѣ, а брату его Ростиславу за нимъ стоящю и вабящю к собѣ; Андрѣи же не послуша его, но стерпѣ пополохъ тои. Ип. л. 6657 г» [Срезневский, 1912, с. 1195].

«Поплахъ» толкуется через значение слова переполох: «ПОПЛАХЪ – тревога: – Ѡ Армень поплахъ. Прол. авг. 31. – Ср. пополохъ» [Срезневский, 1912, с. 1192].

Толковый словарь В. И. Даля дает такое толкование лексемы «пополохъ»: «ПОПОЛОШИТЬ, пополошить, пополохать кого, потревожить, побезпокоить; испугать, перепугать; взбаламутить. Всех в доме пополошили криком своим. - ся, всполошиться, встревожиться; | восстать или взбунтоваться» [Даль, 1882, с. 311].

Данная лексема встречается в словаре прот. Григория Дьяченко со значением «страх, испуг»: «ПОПОЛОХЪ = страхъ, испугъ; «и бысть попологъ во всю ночь силно по всему Новугороду» (Пск. лет., 1, 251)» [Дьяченко, 2004, с. 457].

Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.) Р. И. Аванесова толкует лексему *пополохъ* как «тревогу, переполох»: «ПОПОЛОХ|Ъ, -А с. Тревога, переполох: бы(с) в ночь пополо(х) золь. яко и По<ло>вце(м) всѣ(м) бѣжати. назадъ с своимъ воѣводоб Жирославо(м). ЛЛ 1377, 108 (1149)» [Аванесов, 1988, с. 197].

В Лаврентьевской летописи 1377 г. в контексте слова «пополох» описывается эпизод отступления войск Ростислава Переяславского по случаю возникшей паники среди воинов. Можно сделать вывод, что слово «пополох» в данном контексте означает войсковую панику, срыв боевых действий или быстрый отступ войск перед противником.

Т. о., в древнее концептуальное поле страха в религиозном дискурсе входят следующие значения: *благоговение, страх Божий, почтение, обинование, трепет, уважение, осторожность, осмотрительность, дрожание, отступление, колебание, робость, уклонение, паника, тревога.*

Дискурсивный номинант «страх Божий» связан со смыслом благоговения. Такой страх отличается от биологического и психологического тем, что «основывается на трепетном и благоговейном отношении и представляет собой надлежащую и самопроизвольную реакцию человека на Бога» [Райкен, Уилхойт, Лонгман, 2005, с. 1163]. Страх Божий является одним из основных библейских образов веры. Частотность упоминаний данных лексем свидетельствует о его центральном положении в христианской вере.

В религиозном дискурсе русской лингвокультуры слово *страх* широко используется по отношению к любому живому существу, предмету или явлению, вызывающему чувства страха, боязни, опасения. Исходя из рассмотренных выше лексем, страх часто означает уважение и почтение, благоговейный трепет перед Богом.

Выводы

Языковые единицы выступают в качестве средства вербализации концепта. В разных коммуникативных условиях одна и та же лексическая единица может представлять разные признаки эмоционального концепта «страх», в зависимости от потребностей в коммуникативном аспекте, от структуры смысла слова, его семантических возможностей.

Концептуальное поле «страх» представлено следующими словами: *боязнь, ужас, испуг, опасение, тревога, паника*. В религиозном дискурсе наиболее частотными в употреблении являются такие лексемы, как *страх Божий, благоговение, почтение, связанное с трепетанием души*.

В русской культуре страх имеет двойственное значение. С одной стороны, он рассматривается как негативное чувство, связанное с угрозой, опасностью, беспомощностью. С другой стороны, страх может восприниматься как побудительная сила, которая позволяет человеку остерегаться опасностей и принимать меры для собственной защиты. В религиозном дискурсе страх перед божественным наказанием или адскими муками служит стимулом для покорности и морального поведения перед Богом.

Репрезентация концепта «страх» в русской языковой картине мира и религиозном дискурсе подчеркивает сложность и многогранность этого понятия. Страх может быть источником беспокойства и страданий, а также побудительной силой и средством самозащиты. В религиозном дискурсе к страху обращаются в качестве мотивации для соблюдения законов и норм морали.

РАЗДЕЛ 3. ДИСКУРСИВНЫЕ ПРОЕКЦИИ КОНЦЕПТА «СТРАХ»

3.1. Дискурсивные доминанты концепта «страх» в религиозном дискурсе

Обратимся вновь к изучению концепта «страх» в религиозном дискурсе. Дискурс в нашей работе мы определяем как «совокупность тематически общих текстов, каждый из которых воспринимается и идентифицируется как языковой коррелят определенной социально-культурной практики» [Чернявская, 2014, с. 59].

Религиозный дискурс отличается от других дискурсов уникальными концептами, которые играют ключевую роль в структуре смысла и категоризации в этой сфере. В этом дискурсе рассматривается деление концепта на два типа: биологические страхи и страхи социального характера. Первый тип связан с естественными факторами и ориентирован на выживание, в то время как второй соотносится с социокультурным контекстом и религиозными общностями. В описываемом дискурсе концепт «страх» объединяет и биологические аспекты, такие как страх перед физическими страданиями и смертью, и социальные аспекты, такие как страх перед Богом, благоговение, осуждение единоверцами и др.

Концепт «страх» в религиозном дискурсе тесным образом связан с понятиями «греха», «греховности». Также он включает такие компоненты как «опасение», «испуг» и «тревога», имеющие особую интерпретацию. В религиозном дискурсе ключевым аспектом страха является «страх перед Богом» и «страх наказания Божьего» [Бобырева, 2007, с. 113]. Эта интерпретация сужает понимание концепта, фокусируя внимание на страхе перед Богом и опасности привлечь к себе негодование Господа своими грехами и неверными поступками.

На наш взгляд, ключевой аспект страха в религиозном дискурсе, наоборот, расширяет его восприятие. Человек создан «по образу Божьему», поэтому чувствует некую ответственность перед своим Создателем. Этот страх

подразумевает боязнь не соответствовать Божьим законам. В этом же контексте просматривается идея смирения. Верующие осознают свою греховность перед Творцом, поэтому стремятся к покаянию и примирению. Ключевой аспект страха в религиозном дискурсе может указывать на духовное развитие: боязнь «расстроить» Бога служит некой мотивацией для усовершенствования. Стремясь к близким отношениям с Создателем, верующий человек работает над своими недостатками, чтобы соответствовать идеалам Творца. Страх перед утратой милости Божьей и надежда на Божью милость играют важную роль в религиозной практике, поэтому не сужает, а только расширяет понятие до масштабов цельного человека как духовного существа. К таким выводам мы пришли на основании проанализированного нами материала (см. Раздел 2, п. 2.3).

Вершиной концепта «страх» в религиозном дискурсе выступает «страх наказания Божьего» или «страх перед возможными в будущем физическими муками» (ад). На наш взгляд, последнее понятие необходимо интерпретировать метафорически. Если человек через грехи или отсутствие покаяния отпадает от Творца, он сам себя наказывает и уходит от Него – «во тьму внешнюю», «кромешный ад», связанный с несовершенной жизнью людей. В этом и состоит суть «наказания». В христианских текстах, в частности в Ветхом Завете, адские муки описываются как место духовных страданий и разлучения с Богом: «Объяли меня болезни смертные, муки адские постигли меня; я встретил тесноту и скорбь» [Пс. 114:3].

Интерпретация «страха Божьего» как «страха наказания Божьего», на наш взгляд, присуще мировоззрению людей, ограниченных образовательными и прочими цензами.

Божье наказание для верующего человека в большей мере затрагивает духовные и моральные аспекты, которые рассматриваются как следствия греховного или несправедливого поступка, нарушающего заповеди Создателя.

Концепт «страх» в силу своей специфики и особенностей интерпретации в религиозном дискурсе занимает одно из центральных мест в религиозном общении, религиозном сознании.

3.2. Репрезентации концепта «страх» в философском дискурсе

В предыдущем разделе мы описали этимологию лексемы *страх*, которая позволила понять исторические корни и эволюцию значения концепта. Концепт – это сложная лингвокультурная единица, поэтому ее следует рассматривать в комплексе с этимологией, внутренней формой слова, дискурсивными проекциями. Проанализируем специфику концептуальных смыслов «страх» в философском дискурсе.

Явление изучалось учеными еще на раннем этапе зарождения философии. В «Поэтике» Аристотель описывает возможную корреляцию между чувствами страха и сострадания на примере театральной постановки. Хорошая трагедия должна вызывать сострадание не столько за счет внешних сценических эффектов, сколько за счет сильной фабулы и внутреннего конфликта персонажей.

По мнению Аристотеля, только так – через состояние аффекта, которое вызывает чувство сострадания, зритель может получить истинное эстетическое удовольствие, связанное с переживанием катарсиса. Т.о., страх не только способен пробудить эмпатию, но и очистить душу, сделать самого человека лучше [Аристотель, 1998, с. 1084].

У Эпикура через страх представлено экзистенциальное осмысление жизни человека. В «Письме к Менекею» философ писал, что достигнуть полного счастья человеку мешают именно страхи, властвующие над ним. Эпикур выделил три типа страха: перед будущим, перед богами и перед смертью. Страх последнего возникает потому, что человек не может смириться со своей смертностью. Автор «Письма к Менекею» обращается к вопросу смерти, утверждая, что нет оснований бояться ее. Когда мы умираем, мы просто

перестаем существовать, и для нас нет никакого ощущения ни боли, ни страдания. Эпикур настаивает – «Смерть не существует ни для живых, ни для мертвых, так как для одних она сама не существует, а другие для нее сами не существуют» [Лукреций, 1983, с. 316].

Счастье в понимании философа – жизнь без страданий, страха и тревог. Преодолеть мучительное душевное состояние можно после того, как человек осознает свое место в мире. Только правильные устремления и представления о бытии спасут человека от тревог и состояния страха, т.е. положения, когда мелочное беспокойство создает атмосферу боязни всего вокруг.

В философии Хейдеггера страх представлен как «состояние, в котором человеческое существование благодаря собственному бытию оказывается перед самим бытием. Причина страха — само бытие в мире. Страх обособляет человеческое существование и раскрывает его, таким образом, как возможное бытие, как свободное бытие, свободное в понимании самого себя и выборе самого себя» [Губский, 1997, с. 388]. Ответственность перед своим существованием означает осознание того, что человек – свободное существо, которое способно самостоятельно отвечать за свое поведение и принимать решения, определяющие его жизнь. Хейдеггер полагает, что страх не является негативной эмоцией. Он, наоборот, признается неотъемлемой частью бытия человека, которая открывает путь к осознанию собственного существования. Философ призывает принять страх, искать в нем смысл и способ осмысления жизни в его присутствии. Позиция Хейдеггера похожа на интерпретацию концепта «страх» в религиозном дискурсе.

Обращаясь к Новой философской энциклопедии, можно увидеть следующее толкование понятия страх:

СТРАХ (нем. Angst; франц. angoisse; адгл. anxiety) – тягостное, мучительное душевное состояние, вызываемое грозящей человеку опасностью и чувством собственного бессилия перед ней [Гайденко, 2010, с. 645].

Из определения можно сделать вывод, что страх возникает тогда, когда человек находится в эмоциональном состоянии неполного осознания мира,

предчувствия, интуиции. Вторая интересная трактовка – «состояние, вызываемое грозящей человеку опасностью». Исходя из нее, мы можем прийти к выводу, что понятие «страх» тесно переплетено с понятием «опасности», которая может быть как реальной, так и воображаемой.

В «Философском словаре» А. Конт-Спонвиля последнее значение представлено как единственное:

Страх ♦ *Angoisse* Смутная и неопределенная боязнь, не имеющая реального или актуального предмета, но от этого только усиливающаяся [Конт-Спонвиль, 2012, с. 462].

Такое значение указывает на неопределенность и абстрактность страха, который может вызываться внутренними процессами или внешними явлениями, не имеющими четкого предмета опасности. Указанную проекцию понятия можно считать частной – такой страх принимает форму тревоги.

В интерпретации авторов «Философского словаря» под редакцией И. Т. Фролова понятие страха имеет более генерализованное толкование, относя эмоцию к категории экзистенциальных, позволяющих осознавать, а не чувствовать несовершенства мира и его реальные опасности для человеческого существования:

Страх – глубинное человеческое состояние, порождаемое способностью человека осознавать несовершенство мира, его коллизии и угрозу человеческому существованию [Фролов, 2009, с. 643].

В «Современном философском словаре» под редакцией В. Е. Кемерова страх наоборот толкуется как иррациональное состояние:

СТРАХ — (греч.: *phobos* ужас, боязнь, тревога) аффективное состояние человеческой души, которое переживается как страдание и выражается в ощущении неудовольствия [Кемеров, 1998, с. 867].

Определение подчеркивает влияние страха на характер выражения эмоций и психологическую составляющую. Он воспринимается как негативное состояние, влияющее на поведение и форму пребывания человека в мире.

По мнению русского философа Н. А. Бердяева «страх лежит в основе жизни этого мира». Человеческий организм в значительной степени построен таким образом, чтобы защищаться. Борьба за свое существование, которой полна жизнь, предполагает страх. Мнение о том, что понятия «страха» и «храбрости» полностью исключают друг друга, является ошибочным. Храбрость предполагает не столько отсутствие страха, сколько победу над этим угнетающим чувством. В духовном понимании задачей человека есть и остается победа над страхом, который унижает его [Бердяев, 2006, с. 29].

По своей природе власть пользуется страхом, поэтому верным окажется предположение о том, что страх правит миром. Он одинаково царит в жизни индивидуальной и социальной. Страх может исказить сознание, что в итоге приведет к боязни замученного человека перед истиной. Религиозная жизнь на протяжении всего своего существования была искажена страхом, который активно использовался для поддержания злых и порой несправедливых порядков. Человек отрывается от духовного мира и подчиняет себя низшему, что неотвратимо вызывает страх и страдания [Бердяев, 2006, с. 29].

Концепт «страха» связан с соотношением сознания с подсознательным и сверхсознательным. Страх возник из глубины подсознательного, из древних истоков человечества. Сознание может увеличить проявление эмоции, но только из сверхсознательного вытекает окончательная победа над страхом – победа духа [Бердяев, 2006, с. 30].

Проанализировав понимание страха в философском дискурсе, мы выделили такие сущностные характеристики концепта: страх – это чувство или состояние, вызываемое реальной или вымышленной, осознаваемой или предчувствуемой опасностью, которое чаще связывается с переживанием аффекта, но позволяет человеку при условии правильной «работы» со своим страхом приобретать новое, экзистенциональное измерение.

В философском дискурсе концепт «страх» коррелирует с концептами сострадания, смерти, счастья, свободного бытия, мудрости, смирения, спокойствия, что дает возможность человеку осознать собственное бытие,

принять судьбу, реализоваться в качестве состоявшейся личности, стать более эмпатичным и пр. Т.о., страх может играть положительную роль в жизни человека и общества.

3.3. Концепт «страх» в научном и обыденном дискурсах

В разных дискурсах концепт «страх» имеет оригинальность интерпретации, обусловленную, в частности, разными дискурсивными доминантами. Начнем с материалов научного дискурса. Представим результаты свободного ассоциативного эксперимента, который отображает профессиональное сознание специалистов-психологов на материале нашего концепта.

Е. Коляденко использует указанный свободный эксперимент для реконструкции двух типологических разновидностей концептов – наивного и научного. На примере психологического концепта «страх» были рассмотрены особенности репрезентации научного концепта в ассоциативном поле.

Материалом послужили вербальные ассоциации, полученные в ходе свободного ассоциативного психолингвистического эксперимента. Подробное описание эксперимента см. в [<https://www.etnolog.org.ua/pdf/stories/zbirnyky/2018/mov.pdf> (ст. 84)].

Исследуемый концепт имеет сложную структуру – он интегрирует разные формы отражения действительности. Анализ ассоциативного поля страх позволил выделить такие слоты в организации фрейма одноименного концепта: каузация, внутреннее и внешнее проявление эмоционального состояния, экспириенцер, пути преодоления эмоционального состояния.

Сохраняясь в разных формах, знания об эмоции страх, которые частично раскрывает ассоциативный эксперимент, организуют сложную когнитивную структуру. Собранные материалы сочетают простые и сложные ментальные и ментально-языковые единицы. Все они в разной мере отображены в результатах эксперимента.

1. Образы-ощущения (элементарные сенсорные образы, связанные с причиной эмоционального состояния). Представлены в виде

дистантных (зрительные (*яскравий колір*), слуховые (*крик, тишина*), одоративные (*сморід*), контактных (тактильные (*сльози, мурашки по шкірі*), болевые (*біль*), температурные ощущения (*холод, жар*)) и глубинных ощущений (чувственность от внутренних органов (*прискорене серцебиття, перехопило подих*), мышечная (*тремтіння*) и вестибулярная чувственность (*висота, глибина*)).

2. Образы-конативы (ментальные образы физических действий): *тікати, ховатися* тощо.
3. Оценочные образы (позитивно или негативно оцененный эмоциональный тон выражения). На языковом уровне группа представлена лексемами с рациональной негативной оценочной семантикой (*щось неприємне, погане*), а также оценочным компонентом лексического значения большинства вербальных реакций (*біль, зрада* тощо).
4. Наглядно воспроизводимые образы-картинки. Представлены в ассоциативном поле лексемами, характеризующими внешность экспериментатора (*пін, бліде обличчя* тощо). Также группа включает образы объектов, ситуаций, событий, которые воспринимаются как угроза для экспериенцера. В частности это образы животных (*павук, вовк, акула* тощо), людей (*бандит, стоматолог* тощо), фантастических существ (*Бабай, привид*), мест/помещений (*цвинтар, лікарня, школа* тощо).
5. Я-схемы (экстраполяция образа субъекта эмоционального реагирования на самого себя): *відчуваю, подолаю* тощо.
6. Архетипы (генетически унаследованные структуры знаний): *смерть, блискавка, темрява* тощо.
7. Сценарии (структуры, которые репрезентируют знания про стереотипную ситуацию через цепочку казуально связанных действий): *сесія, війна, катастрофа* тощо.
8. Общие понятия: *негативна емоція, переживання, почуття* тощо.

По мнению О. Коляденко, результат исследования отображает особенности научного, профессионального осмысления эмоции страха, которая характеризуется аналитизмом, абстрактностью, созерцательностью [Коляденко, 2018, с. 95]. Научное описание концепта характеризуется систематическим разбором различных аспектов состояния, который включает в себя анализ не только внешних проявлений, но и физиологических процессов, каузаторов и реципиентов. По сравнению с обыденным дискурсом, в ассоциативном поле научного концепта больший процент реакций формируют гиперонимы (*емоція, реакції, негативна емоція, почуття, психічний стан* тощо), когипонимы (*агресія, сум, інтерес, гнів* тощо) и синонимы (*тривога, паніка, переляк, фобія* тощо). Такой подход демонстрирует стремление научного дискурса к точному определению, классификации и пониманию различных аспектов концепта «страх».

Наиболее частотные реакции указывают на определенную стереотипность мышления, которая отображается в сознании обычного носителя языка. Фрейм является доминантной единицей ментальной структуры эмоционального концепта, «у якій відображено набуту досвідним шляхом інформацію про деяку стереотипну ситуацію, про текст, що її описує, а також інструкцію по її використанню» [Селіванова, 2006, с. 586]. Во фрейме стереотипность мышления представлена закрепленным набором узлов, слотов и отношений между ними [Минский, 1979].

О. Коляденко приходит к такому общему выводу: «страх – переживання, що є реакцією на реальну або уявну загрозу життю, спокійному, безтурботному існуванню людини та її близьких; а також виникають у відповідь на спроби похитнути авторитет особистості у соціальній групі; переживання супроводжує комплекс неприємних суб'єктивних відчуттів, а також зовнішній прояв: очі людини збільшуються, обличчя стає блідим, вона плаче, тремтить, намагається втекти від небезпеки, сховатися або завмирає» [Коляденко, 2011, с. 193].

В результатах експеримента можно найти описание таких реакций в ассоциативном поле наивного концепта, которые описываются в

проанализированных нами толковых и этимологических словарях. Особенно ярко они отображены в слоте «Каузатор», категория «Социальные/культурные активаторы». В данной группе отмечено наибольшее количество одиночных ситуативных реакций человека: *болезни и их лечение; страх за близких; общественно-политические явления; катастрофы; оценка со стороны других людей поступков, внешности, умственных способностей; несоответствие желаемой/предсказуемой действительности; пространство; социальные институты; душевные страдания; утрата независимости; люди, действия которых, по мнению респондентов, потенциально опасны; технические средства, потенциально опасные; религиозные страхи; эмоции, чувства, формы их проявления; материальные трудности, фантастические существа и явления; фильм.* Это связано с разнообразием культурных, общественных и индивидуальных контекстов, влияющих на восприятие и понимание концепта «страх».

3.4. Новые формы концепта «страх» в современном мире (на материале психологического дискурса)

Внутренний механизм страха как боязни реального или вымышленного сохраняется и в современных фобиях. Ученые, наблюдающие за психикой человека, выделяют и описывают их разновидности, разделяя их, прежде всего на биологические и социальные. И если формы биологического страха не изменились в связи с тем, что они отражают врожденный механизм выживания, помогающий человеку предотвратить физическую угрозу, то социальные страхи меняются в силу изменений социальной реальности. Рассмотрим специфику концептуальных смыслов «страх» в психологическом дискурсе, обращая особое внимание на новые формы социального страха.

Современные социальные фобии могут рассматриваться как результат модификаций общества, таких как увеличение социальной сложности, рост медиавоздействия и изменение ценностей. Формально понятие страха в течение

времени трансформируется. В настоящее время доминируют «страхи перед социумом, коммуникациями, взаимодействием и техногенными последствиями и собственными символическими страхами личности» [Баринов, 2019].

Потребность причастности к коллективу и единению с ним свойственна практически всем социальным животным, включая человека. Такое желание представляется естественным, природным процессом, поскольку включенность в сообщество, коллектив дает ощущение собственной безопасности за счет групповой поддержки.

Этот механизм группового выживания принято называть конформизмом. Биологи и психологи акцентируют свое внимание на биологических формах проявления:

КОНФОРМНОСТЬ – (психол.), усвоение индивидом определ. групповых норм, привычек, ценностей; необходимый аспект социализации личности и предпосылка нормального функционирования любой социальной системы [Шолле, 2002].

Признаки биологического конформизма проявляются еще в детстве, ведь для ребенка очень важно и нужно «быть таким как все». В детском возрасте прежде всего через игру, подражание идет активный процесс становления человека, процесс усвоения норм и правил, выработанных обществом, процесс социализации ребенка.

Раиль Шамионов писал, что «основной задачей социализации личности является формирование социальной конгруэнтности, предполагающей ее способность ориентироваться в социальных условиях, включаться в совместную с другими деятельность и адекватно реагировать на отношения других» [Шамионов, 2014, с. 238].

Социологи уделяют внимание социокультурным и общественным факторам, формирующим социальные аспекты конформизма:

КОНФОРМИЗМ СОЦИАЛЬНЫЙ – англ. conformism, social; нем. Konformismus, sozialer. Некритическое принятие и следование господствующим

мнениям и стандартам, стереотипам массового сознания, традициям, авторитетам, принципам, установкам [Осипов, 1998, с. 143].

Человек по своей природе является биологическим существом, жизнь которого много веков назад была ориентирована на коллективное существование как способ выживания. Очевидно, что приоритетными при этом были цели сообщества, а не индивидуальные интересы. Такой механизм выживания можно назвать биологическим конформизмом. Тесная связь со своим и другими племенами, впоследствии и семьями, приводила к созданию устойчивых социальных узлов. В коллективной культуре благополучие личности напрямую переплеталось с общим достатком, поэтому человек рассматривался в первую очередь как член общества, а не индивидуум.

Определенные формы социального страха сформировались во времена СССР и, по наблюдениям психологов, могли передаваться из поколения в поколение. Страхи, пережитые родителями в юности, могут влиять на их детей. Ребенок усваивает боязнь, наблюдая за реакциями старших людей, которые проявляются в реакциях страха в определенных ситуациях. Такие страхи могут вполне стать частью внутреннего мира детей и определять их дальнейшее поведение в обществе. Государственная идеология советского периода проникала во все сферы жизни, формируя стереотипы, которые отобразились на жизни следующих поколений. Социальный страх того времени проявлялся в опасениях, заложенных в менталитете коллектива.

Во времена СССР требования к конформному поведению человека достигли своего апогея из-за идеологии тоталитаризма, основанной на формах социального коллективизма, который предполагал определенные ментальные установки («кто не с нами, тот против нас»), систему жестких запретов, цензуру и пр.

В Советском Союзе разновидности социального конформизма были одними из ключевых характеристик общественной жизни. «Советский человек» старался соответствовать ожиданиям и нормам, которые устанавливались идеологической системой. Люди принимали образцы навязанного поведения и

отказывались от выражения личных убеждений, боясь жестких мер воздействия как со стороны общества, так и государства.

Феномен социального конформизма исследуется в научно-популярном фильме «Я и другие» (1971 г.) на материале ряда психологических экспериментов. В одном из первых – студентам-испытуемым показали фотографию мужчины и попросили дать ему психологическую характеристику. Одной группе сказали, что этот человек – опасный преступник, другой – великий ученый. Мнения испытуемых кардинально отличались: первые указывали на хитрость, жестокость и злобу в чертах лица, в то время как вторые видели в мужчине доброго и мягкого человека с юмором.

В другом эксперименте были задействованы дети. Им предлагали попробовать кашу и описать ее вкус. Каша была сладкой, поэтому детям она нравилась. Испытуемому же кашу посолили, однако он, ожидая, что каша вкусная и сладкая, повторял это за другими. Другие похожие эксперименты показывали, что человеку как биологическому и социальному существу свойственны конформные реакции.

Психолог Валерия Мухина, создатель этих психологических экспериментов, отмечала, что идеей фильма было показать следующее: «давать конформные реакции нормально, но, тем не менее, человек должен стараться думать, тогда им нельзя будет манипулировать с такой легкостью».

Советская власть осознала, что может использовать фильм как инструмент обучения «будущих руководителей, организаторов и лидеров в манипуляции людьми». Валерию Мухину несколько раз приглашали рассказывать о съемках студентам, которые в будущем должны были стать лидерами стран социалистического лагеря. Позже психолог выбрала другую профессию, отказавшись от такого участия.

Конформизм как явление социальной адаптации имеет свои положительные стороны. Поведение позволяет человеку сплотиться с обществом в кризисных ситуациях, когда в одиночестве он оказывается бессильным. Феномен снижает нагрузку на индивида, предварительно разделив выполнение задач между

членами группы. Конформное поведение позволяет достичь быстрой адаптационной способности человека в социуме. Личность существенно ограничивается рамками нормативных требований общества, поэтому ей нелегко находиться в парадигме нонконформизма.

Социальные страхи сегодня «представляют собой болезнь современного общества, особую форму «культурной патологии», продукт противоречивых требований современного социокультурного дискурса» [Сагалакова, Труевцев, 2007, с. 5]. Особенность концепта «страх» была сформулирована доктором Т. Е. Даудом, отметивший, что «в прошлые века тревога возникала при восприятии физической опасности... сегодня опасность имеет главным образом социальный и межличностный характер» [Дауд, 2003, с. 68].

Социальный страх генерализируется на трех уровнях существования человека:

1. Индивидуальный уровень, отображающий то, как иррациональная природа страха порождает проявление семантических образов разных фобий.

2. Групповой уровень, при котором порождение страха наблюдается через систему доминирующего конформизма. Страх возникает в случае любых отклонений от канонических социальных норм, при любом проявлении индивидуальности.

3. Уровень массового сознания предполагает обсуждение развития современного технократического общества в увязке с конкретными социальными проблемами [Цветкова, 2018, с. 11].

Современные технологии манипуляции и воздействия на массовое сознание имеют высокий уровень информационно-психологического давления на общество. Контроль человека со стороны государства, социума, религиозных институтов и пр. часто обращается к механизму устрашения. Социальный страх как инструмент регулирования общественного поведения помогает в достижении социального порядка.

Формы современных социальных страхов несколько видоизменились. В силу изменения социальной реальности, в частности демократическим

тенденциям в обществе, интенсивность фобий, связанных с несоответствием общественным порядкам и нарушением запретов, уменьшается. Люди по-прежнему боятся одиночества, но это не имеет эффекта «дамоклового меча». Если раньше человек испытывал страх по причине того, что он может стать объектом осуждения окружающих (как результат – потеря работы, острая враждебность со стороны коллег и соседей и пр.), то сейчас уровень подобного опасения снижен.

В конце 20 – начале 21 столетия в связи с развитием технологий произошла цифровая революция, которая ознаменовала практически тотальную причастность членов социума к виртуальному миру. В результате появились новые формы конформных страхов, поменялась реальность осведомления. Человек, пытаясь избежать социальных неудач или дискомфортных взаимодействий в реальном мире, начинает прибегать к использованию цифровых технологий, заменяя реальное общение виртуальным. В виртуальной среде он может чувствовать себя более безопасно, не боясь быть отвергнутым из-за своего мнения. В условиях развития технологий человек имеет возможность создать иллюзию контроля, чтобы регулировать слишком быстрый темп жизни в условиях информационного потока. Однако такое поведение, по наблюдениям специалистов, может привести к социальной изоляции и утрате навыков общения в коллективе.

Резюмируя, отметим, что изначально страх функционировал как врожденный механизм выживания, защиты, помогающий человеку сохранить жизнь в условиях реальной опасности. В процессе эволюции биологический инстинкт, транспонируясь в усложняющихся социальных отношениях, приобрел новую форму, основанную на социальных фобиях. Т.о, в психологическом дискурсе выделяем следующие доминанты концепта «страх»:

- 1) страх как биологический механизм, позволяющий избежать физической опасности,
- 2) страх как социальный механизм, позволяющий индивидууму приспособиться к жизни в обществе.

Биологические страхи, имеющие природное происхождение, отображены в страхах атмосферных и

астрономических явлений, вулканов, землетрясений, высоты, глубины, замкнутого пространства, животных и пр. Все они сохраняются как реальная опасность в жизни современного человека.

Социальный страх приобретает новые формы: 1) цифровые страхи, при которых люди становятся зависимыми от виртуального мира, 2) страх конфликтов, поражений, взаимодействий с реальным миром, 3) страх перед потерей контроля в условиях информационного потока и быстрого темпа жизни, 4) страх перед реальной коммуникацией вследствие отсутствия навыков общения у детей (поколение Z) или потери этих навыков у взрослых, в жизни которых превалируют виртуальные коммуникации. При этом базовый механизм конформности, гарантирующий индивидууму биологическое и социальное выживание, не изменился.

Выводы

Изучение дискурсивных проекций концепта «страх» позволяет нам понять его интерпретацию в зависимости от культурной среды и социальной группы. Дискурс помогает обнаружить, как лексема *страх* может контекстуализироваться, влиять на формирование наших представлений об эмоции, способствовать пониманию механизмов ее воздействия на мышление.

В ассоциативном поле наивного концепта представлено наибольшее количество одиночных ситуативных реакций человека в слоте «Каузатор», категория «Социальные/культурные активаторы», например, болезни и их лечение; страх за близких; общественно-политические явления; катастрофы и пр. В религиозном дискурсе вершиной концепта «страх» выступает «страх наказания Божьего» или «страх перед возможными в будущем физическими муками» (ад). В философском дискурсе концепт «страх» коррелирует с концептами сострадания, смерти, счастья, свободного бытия, мудрости, смирения, спокойствия. Среди доминант концепта в психологическом дискурсе выделяется «страх как биологический механизм, позволяющий избежать физической опасности» и «страх как социальный механизм, позволяющий

индивидууму приспособиться к жизни в обществе». Биологический механизм проявляется в боязни явлений, которые сохранились как реальная угроза жизни человека (страх пауков, змей, глубины, высоты, пожара, молний и пр.). Социальные страхи вызваны ситуациями, несущими угрозу не только жизни, но и социальному статусу, самооценки, принадлежности к обществу. Цифровое поколение привело к появлению новых форм социальных страхов, связанных с боязнью взаимодействия с реальным миром, угрозами для личной безопасности в онлайн-пространстве, зависимостью от технологий и социальных сетей и пр. Социальный страх отражает нарушение в усвоении человеком информации из окружающего общества, что приводит к возникновению чувства опасности. В этом смысле социальный механизм тождествен биологическому.

Репрезентация концепта «страх» в разных дискурсивных проекциях подчеркивает важную роль языка и культурного контекста в конструировании нашего представления об эмоции. Страх может представать в качестве базового механизма выживания человека, в то время как философское осмысление феномена при условии правильной «работы» позволяет связать с ним возможность приобретения нового, экзистенциального измерения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Уникальные аспекты мировоззрения человека, восприятие, интерпретация окружающей реальности отражаются в его языковой картине мира. Она выявляется в наборе ключевых понятий и выражений, которыми определяется индивидуальное видение личности. Путем объединения отдельных картин мира формируется языковая картина мира, характерная для определенного народа.

Каждый естественный язык представлен так называемыми ключевыми словами, которые являются особенно важными и показательными для каждой культуры. Воплощенные в них концепты отражают различные идеалы культурного наследия, национальный характер и идеи. В значении ключевых слов сохранен опыт народа и его менталитет.

Концептами становятся далеко не все обозначения явлений действительности, а только те, которые для определенной культуры представляют наибольшую ценность, имеют максимальное количество языковых единиц для своего выражения (например, фразеологических, лексических и др.) и являются своего рода «символами» нации, определенно указывающими на породивший их текст, ситуацию. Данные слова служат темой многочисленных пословиц и поговорок, они отображены в поэтических и прозаических произведениях.

Язык является не только орудием культуры, но и выразителем эмоций, которые представляют специфическую форму отношения человека к миру. В процессе коммуникативной деятельности происходит сливание мыслей и эмоций, и порой последняя категория может преобладать в общении. Каждая языковая личность переживает идентичные базовые эмоции – это и роднит представителей разных культур. Однако базовые эмоции могут иметь различие в вариации и интенсивности, что делает каждого человека неповторимым.

Проведённое исследование позволило выявить универсальные и специфические особенности функционирования эмоционального концепта «страх» в русской языковой картине мира, научном, обыденном, религиозном,

философском и психологическом дискурсах. Нами были изучены происхождение и развитие слов, связанных с концептуальным полем страха, рассмотрены дискурсивные доминанты. Исследование позволило описать процесс концептуализации страха, отраженный в русском языке, под влиянием культурного и исторического контекста; а также специфику концептуальных смыслов в названных дискурсах.

Русская языковая картина мира отражает разнообразные аспекты страха. С одной стороны, страх интерпретируется как физиологический и психологический процесс, например, реакция организма на угрозу, которая вызывает ускоренное сердцебиение, напряжение мышц и пр., состояние тревоги или беспокойства перед неизвестным; а с другой – этот процесс может приобретать метафорическое и символическое значения, описываемое, например, фраземой «страх Божий».

В результате проведенного этимологического анализа нам удалось реконструировать образы, вокруг которых структурирован концепт «страх»: *поверженный страхом человек, боязнь, ужас, мучение, изумление, отчаяние, исступление.*

Кроме того, мы установили, что древнее поле значений концепта «страх» включает в себя такие смыслы: *устрашать, страховать, страшный («некрасивый»), страсти, страда, повергаться, коченеть, цепенеть, быть растянутым, трястись, трепетать, тревожиться.* Эти значения присутствуют и в современном русском языке.

Анализ этимологических и толковых словарей русского языка позволил выявить лексемы, способные осуществлять базовую вербализацию концепта «страх»: *боязнь, ужас, испуг, робость, сильное опасение, повержение, паника, беспокойство, тревога.*

Изучая историю и динамику концепта, мы проследили, как со временем менялось представление человека о страхе, и определить его связь с культурными, социальными и религиозными факторами, оказывающими влияние на формирование и интерпретацию страха в обществе.

В научном дискурсе концепт «страх» рассматривается как естественная реакция на реальные или воображаемые угрозы. Это эволюционно обусловленная эмоция, направленная на выживание. Научный дискурс продемонстрировал глубокий механизм страха. Доминантами семантического поля концепта «страх» предстают гиперонимы (*емоція, реакції, негативна емоція, почуття, психічний стан* тощо), когипонимы (*агресія, сум, інтерес, гнів* тощо) и синонимы (*тривога, паніка, переляк, фобія* тощо).

Раскрытие концепта в обыденном дискурсе позволило нам проследить то, как страх влияет на принятие решений, межличностные отношения и общую жизненную активность в повседневности. Такая реакция появляется вследствие столкновения с неизвестным, неопределенностью, потерей близких и других бытовых, социальных моментов.

Дискурсивная специфика концепта «страх» в религиозном дискурсе традиционно описывается фраземой «страх Божий». Действительно, страх является одним из фундаментальных элементов системы религиозных учений, однако его природа отлична от биологической реакции, описанной нами выше. Верующий человек может испытывать страх перед высшими силами, который является реакцией на осознание бесконечности и могущества Бога, боязни потерять связь с ним, его поддержку и защиту на фоне понимания собственного несовершенства, ужаса от своих греховных поступков и недостатков. Поэтому и смысловое поле «страх Божий» формируют иные понятия: *благоговение, почтение, обинование, трепет, уважение, осторожность, осмотрительность, дрожание, отступление, колебание, робость, уклонение, паника, тревога*. Отметим, что доминанта концепта «страх» в религиозном дискурсе может быть сведена к созидательному характеру этого чувства, способствующему ответственности человека за свои поступки, стремлению к духовному преобразованию и покаянию.

Философский дискурс описывает концепт «страх» с иной стороны. В работах философов страх определяется как эмоция большой силы, которая существенно влияет на восприятие, мышление и поведение индивида. Страх

рассматривается как экзистенциальное состояние, вызываемое осознанием несовершенства мира и реальными опасностями для человека. Страх признается неотъемлемой частью существования, созидательной для человека. Он способен пробудить эмпатию, очистить душу, научить состраданию. Т. о., философский дискурс подчеркивает важную роль эмоции в процессе самопознания и внутреннего роста, несмотря на негативную природу страха.

Концепт «страх» в психологическом дискурсе демонстрирует сложную динамику, проявляющуюся в использовании биологического инстинкта выживания в механизмах адаптации индивида к виртуальной реальности. Первоначально страх был необходим человеку как базовый механизм самосохранения, позволяющий избежать реальных угроз. В процессе эволюции он обрел новые формы, связанные с социальной адаптацией. Несмотря на все изменения, базовый механизм конформности, который обеспечивает индивидууму выживание в обществе, сохраняется. Современные формы страхов продолжают выполнять адаптивную функцию, тем самым позволяя человеку справляться с трудностями постоянно развивающегося общества.

Полученные результаты исследования указывают на культурологическую значимость рассматриваемого эмоционального базового концепта в русской лингвокультуре.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян Ю. Д. Языковая картина мира и системная лексикография. М.: Языки славянских культур, 2006. 912 с.
2. Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. Минск: Лит., 1998. 1391 с.
3. Аскольдов С. А. Концепт и слово. Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. М., Б. в., 1997. С. 276–379.
4. Баринов Д. Н. Страх как социальный феномен. Гуманитарный научный вестник. №2, 2019. С. 39–48.
5. Бердяев Н. А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого. М.: АСТ, 2006. 223 с.
6. Бобырева Е. В. Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии: (на материале православного вероучения). Волгоград: Перемена, 2007. 375 с.
7. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета в современном русском переводе. Под ред. М. П. Кулакова и М. М. Кулакова. М.: Издательство ББИ, 2015. 1856 с.
8. Вежбицкая А. Языковая картина мира как особый способ репрезентации образа мира в сознании человека. Вопросы языкознания. Б. в. Б. м., 2000. С. 33–38.
9. Виноградов В. В. История слов: Ок. 1500 слов и выражений и более 5000 слов, с ними связ. М.: Рос. акад. наук. Отд-ние лит. и яз. Науч. совет «Рус. яз.». Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова, 1999. 1138 с.
10. Гайденко П. П. Страх. Новая философская энциклопедия: в 4-х т. Под ред. В. С. Стёпина. Т. 3. М.: Мысль, 2010. 696 с.
11. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб. М.: Тип. М.О. Вольфа, 1880–1882. Т. 3, 1882. 576 с. Т. 4, 1882. 712 с.
12. Дауд Т. Е. Когнитивная гипнотерапия. СПб.: Питер, 2003. 224 с.

13. Естествознание: Энциклопедический словарь. Сост. В. Д. Шолле. Москва: Большая российская энциклопедия, 2002. 543 с.
14. Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сб. ст. М.: Языки славянской культуры, 2005. 544 с.
15. Исчерпывающий греческо-русский лексикон Нового Завета с номерами Стронга и греческой Симфонией. Под ред. Виктора Журомского. Житомир: Международное общество благодати, 2001. 917 с
16. Кавинкина И. Н. Психолингвистика: пособие. Гродно: ГрГУ, 2010. 284 с.
17. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.
18. Коляденко О. Роль вільного асоціативного експерименту в дослідженні наївного та наукового концептів//IX Міжнародний конгрес україністів. Мовознавство. Збірник наукових статей (До 100-річчя Національної академії наук України)/голов. ред. Г. Скрипник. Київ: НАН України, ІМФЕ ім. М. Т. Рильського, 2018. С. 84–96.
19. Конт-Спонвиль Андре. Философский словарь. Пер. с фр. Е. В. Головиной. М.: Этерна, 2012. 752 с.
20. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.: ЧеРо, 2003. 349 с.
21. Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
22. Лаврентьевская и Троицкая летописи. СПб: Типография Эдуарда Праца, 1846; 2-е изд. Под ред. Е. Ф. Карского. Вып.1-3. Л., 1926-1928. 579 с.
23. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка. Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология. М.: Academia, 1997. С. 280–287.

24. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика: учеб. пособие/3-е изд., перераб. и доп. Минск: ТетраСистемс, 2008. 272 с.
25. Маслова В. А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2001. 208 с.
26. Минский М. Фреймы для представления знаний. Пер. с англ. Ф. М. Кулаков. М.: Мир, 1979. 152 с.
27. Ожегов Сергей Иванович, Шведова Наталия Юльевна. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений/Рос. АН, Ин-т рус. яз., Рос. фонд культуры. М.: Азъ, 1992. 955 с.
28. Подстрочный греческо-русский Новый Завет (дословный современный перевод). Под ред. Виктора Журомского. Б.м.: Украинское Общество Благодати, 2007. 1044 с.
29. Полный церковнославянский словарь (со внесением в него важнейших древнерус. слов и выражений): [ок. 30 000 слов]: пособие. Сост. свящ. Григорий Дьяченко. М.: Отчий дом, 2004. 1120 с.
30. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. 314 с.
31. Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка. М.: Типография Г. Лиснера и Д. Совко. 1910-1949. Том I (А-О). 1910. 716 с. Том II (П-С), 1914. 420 с.
32. Сагалакова О. А., Труевцев Д. В. Социальные страхи и социофобии. Томск: Изд-во том. Ун-та, 2007. 210 с.
33. Селіванова О. О. Сучасна лінгвістика: термінологічна енциклопедія. Полтава: Довкілля. К, 2006. 716 с.
34. Серебренников Б. А., Кубрякова Е. С., Постовалов В. И. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. 216 с.

35. Словарь библейских образов: [Справочник]. Под общ. ред. Лиланда Райкена, Джеймса Уилхойта, Тремпера Лонгмана. Санкт-Петербург: Библия для всех, 2005. 1423 с.
36. Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.) / РАН. Ин-т рус. яз.; Гл. ред. Аванесов Р. И., Крысько В. Б. М.: Рус. яз., 1988-2013. Т. 1: (а – възаконѣтисѧ), 1988. 526 с. Т. 7: (поклепанъ – пращоуръ), 2004. 505 с.
37. Словарь малопонятных слов, встречающихся при чтении Псалтири и молитв: Начинаящему христианину. М: Паломник, 2005. 72 с.
38. Словарь практического психолога. Сост. С. Ю. Головин. Минск: Харвест, 1998. 592 с.
39. Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты. Б.в., Волгоград, 2004. 44 с.
40. Современный философский словарь. Под общей ред. д. ф. н. профессора В. Е. Кемерова. 2-е изд., испр. и доп. Лондон, Франкфурт-на-Майне, Париж, Люксембург, Москва, Минск: «ПАНПРИНТ», 1998. 1064 с.
41. Социологический энциклопедический словарь. На русском, английском, немецком, французском и чешском языках. Редактор-координатор академик РАН Г. В. Осипов. М: Изд. дом «ИНФРА-М», 1998. 488 с.
42. Срезневский И. И. Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам. Санкт-Петербург: Изд. Отд-ния рус. яз. и словесности Императорской акад. наук. Тип. Императорской акад. наук, 1890-1912. Т. 1: А-К, 1893. 49 с. Т. 2: Л-П, 1902. 13 с. Т.3: Р – ѿ. 1903, 1684 с.
43. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры: Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Академический Проект, 2001. 990 с.
44. Тит Лукреций Кар. О природе вещей. пер с латинского Ф. Петровского, М.: Художественная литература, 1983. 383 с.

45. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 2-е изд., стер. М.: Прогресс, 1986-1987. Т. 1 (А – Д), 1986. 576 с. Т. 3 (Муза – Сят), 1987. 832 с. Т. 4 (Т – ящур), 1987. 864 с.
46. Философский словарь. Под ред. И. Т. Фролова. Ред. колл.: А. А. Гусейнов, В. А. Лекторский, В. В. Миронов и др. Сост. П. П. Апрышко, А. П. Поляков, Ю. Н. Солодухин. 8-е изд., дораб. и доп. М.: Республика; Современник, 2009. 846 с.
47. Философский энциклопедический словарь. Ред.-сост. Е. Ф. Губский и др. М.: Изд. дом «ИНФРА-М», 1997. 574 с.
48. Хроленко А. Т. Основы лингвокультурологии: учеб, пособие. Под ред. В. Д. Бондалетова. 5-е изд. М.: Флинта: Наука, 2009. 184 с.
49. Цветкова О. Л. Страх и современность: метафизика и реальность. Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. №1(28), 2018. С. 5–13.
50. Цыганенко Г. П. Этимологический словарь русского языка: Более 5 000 слов. 2-е изд., перераб. и доп. К.: Рад. шк., 1989. 511 с.
51. Чернявская В. Е. Фантомы и синдромы дискурсивной парадигмы // Вопросы когнитивной лингвистики. № 1 (038), 2014. С. 54–61.
52. Шамионов Р. М. Социальная психология личности: проблемы и перспективы. Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Акмеология образования. Психология развития. Т. 3, вып. 3, 2014. С. 236–240.
53. Этимологический словарь современного русского языка. Сост. А. К. Шапошников: в 2 т. М.: Флинта: Наука, 2010. Т. 1, 2010. 584 с. Т. 2, 2010. 576 с.
54. Коляденко О. Концептуалізація емоції страху (за матеріалами асоціативного експерименту). Наукові праці Кам'янець-Подільського національного університету імені Івана Огієнка. Філологічні науки. № 28, 2011. С. 190–194. URL:

http://nbuv.gov.ua/UJRN/Npkpnu_fil_2011_28_55 (дата обращения: 04.10.2023)

55. Феликс Соболев. Я и другие (1971 г.) //YouTube. URL: https://www.youtube.com/watch?v=mfI_KIK2ARA&ab_channel=OdesaFilmStudio (дата обращения: 08.04.2024)

ДОДАТОК А

Класифікація кількості реакцій в асоціативному полі наукового та наївного
концептів у Слоті 1-4

Слот 1. «Каузатор»		
Природні/вроджені активатори страху		
	Реакції в асоціативному полі наукового концепту	Реакції в асоціативному полі наївного концепту
біль і антиципація болю	<i>біль (4)</i>	<i>біль (37), біль у шлунку, катування</i>
самотність	<i>самотність</i>	<i>самотність (14), залишитися самотньою</i>
невідоме	<i>невизначеність, невідомість, сон, «те, що ми не розуміємо, нас лякає»</i>	<i>невідомість (4), невідомість майбутнього, завтрашній день, страх майбутнього, незвідане, незнане, нове</i>
висота	<i>висота (2)</i>	<i>висота (22)</i>
темрява	<i>пітьма/темрява (7)</i>	<i>темрява (49), ніч (2), коли людина сама в темряві, темна кімната, темна порожня кімната</i>
тварини	<i>вовк, змія</i>	<i>павуки (26), змії (12), собаки (6), комахи (4), акула (3), щури (3), вовк (2), таргани (2), миша (2), дикі тварини, жаба,</i>

		<i>крокодил, рептилії</i>
смерть	<i>смерть (5), кінець світу</i>	<i>смерть (37), загинути під колесами авто (2), померти від голоду, померти передчасно, померти вві сні</i>
природні явища	<i>гроза, дощ, туман</i>	<i>блискавка (3), землетрус (2), природні явища</i>
небезпека	<i>небезпека (2), загроза</i>	–
раптова зміна стимулу	–	<i>несподіваність, несподіванка</i>
стихії	–	<i>вогонь (6), вода, полум'я</i>
Соціальні/культурні активатори страху		
хвороби та їхнє лікування	<i>онкологічне захворювання, кров</i>	<i>хвороба (19), стоматолог (10), операція (2), страх за своє здоров'я (2), інвалідність, параліч, прикутий до ліжка, СНІД</i>
страх за близьких	<i>хвороба близьких</i>	<i>утрата близьких людей (12), смерть близьких (5), хвороба близьких/дитини (3), за близьких (2), за дітей (2), за родину (2)</i>
суспільно-політичні явища	<i>війна</i>	<i>війна (15), ядерна війна, терор</i>

катастрофи	<i>аварія (2), вибух, Чорнобиль</i>	<i>автокатастрофа (8), катастрофа (3), радіація, стихійне лихо, Чорнобиль</i>
оцінка з боку інших людей вчинків, зовнішності, розумових здібностей	<i>виступ на сцені</i>	<i>сесія (14), екзамен (8), погладшати (2), оцінка/двійка (2), втратити вроду, дисертація, захист дипломної, контрольна, втратити повагу серед близьких, ганьба, виставити себе на посміховисько, не виправдати сподівань, комплекси</i>
невідповідність бажаного/прогнозованого дійсності	<i>поразка</i>	<i>поразка (3), неприємність (2), провал (2), крах, не закінчу навчання в школі, не зустріти чоловіка своїх мрій, невдало вийти заміж</i>
простір	<i>глибина</i>	<i>ліфт (2), глибина (2), повітря (2), літак, обмежений простір</i>
соціальні інституції	<i>армія</i>	
душевні страждання	<i>втрата, зрада, розлука, відсутність підтримки</i>	<i>душевний біль (3), відчай (2), зрада (2),</i>

	<i>близьких</i>	<i>безпорадність, любов, безвихідь, зневага з боку інших, байдужість</i>
втрата незалежності	<i>залежність, придушення волі</i>	<i>утрата свободи, утрата незалежності, залежність від поганих звичок, паління, потрапити в тюрму</i>
люди, дії яких, на думку респондентів, є потенційно небезпечними	<i>моральні вродки, натовп</i>	<i>менти (2), міліція, маніяк, бандит, Мерилін Менсон, теща, Ольга Микитівна (викладач), колишній хлопець</i>
технічні засоби, що є потенційно небезпечними	<i>автомат</i>	–
релігійні страхи	<i>втрата віри</i>	<i>Боже покарання, гріх, утратити віру в Бога, утратити стосунки з Богом, потоп, пекло</i>
емоції, почуття та їхні вияви	–	<i>крик (4), злість, лють</i>
матеріальні негаразди	–	<i>пожежа (5), безробіття, безгрошів'я (3), високі ціни, втратити роботу, жебрацтво, маленька зарплата, неспроможність</i>

		<i>забезпечити родину, стати безхатченком</i>
фантастичні істоти та явища	–	<i>упир (2), Бабай, привиди, примара, магія, чудовисько</i>
фільм	–	<i>фільми жахів (6)</i>

Слот 2. «Внутрішній вияв емоційного стану»

суб'єктивні відчуття експерієнцера	<i>скутість (4), розгубленість (3), невпевненість (2), психічний дискомфорт (2), холод (2), внутрішнє спустошення, гіперболізація</i>	<i>холод (4), неприємне відчуття, жар, все єство згортається в клубок, лоскоче нерви, внутрішній дискомфорт (2), відчуття не по собі, відчуття голоду</i>
характеристика емоційного стану	<i>дифузний, мінливість, нав'язливий</i>	
фізіологічні зміни, що відбуваються під впливом страху	<i>адреналін, зміни фізіологічних процесів, підвищений тиск</i>	<i>прискорене серцебиття (3), мурашки по шкірі/тілу (3), серце вистрибує, скутість</i>

Слот 3. «Зовнішній вплив емоційного стану»

Невербальний вияв страху	<i>сльози (5), великі очі (3), тремор (2), пітніють долоні, крик, розширені зіниці, бігти, ховатися</i>	<i>тремтіння (13), великі очі (4), тремтіння в ногах (2), втікати, ховатися, ступор, завмерти, метушня,</i>
--------------------------	---	---

		<i>блідий, перехопило подих, сльози (3), липкий піт</i>
Вербальний вияв страху		<i>Мамо!!!; Ай, боюсь!; О Господи!</i>

Слот 4. «Експерієнцер»		
біологічні параметри	<i>дитина/дитячий (2), заєць</i>	<i>баба, жінка і миша, заєць (3)</i>
індивідуальні параметри вольової сфери	<i>слабкість (2), нерішучість</i>	<i>боягуз, страшко, сміливість, слабкість</i>
актуальний психічний стан	<i>боязкість (2)</i>	<i>невпевненість (6), знервованість</i>